

¹³ См.: Baumgarten A. *Metaphysica*, §§ 358, 654 и др. Впрочем, до Baumgartena это изменение значений произвел Т. Гоббс. См. его избранные произведения в двух томах (М., 1964. Т. 1, с. 187). Некоторое влияние Baumgartena на Канта вообще рассматривается, например, в исследованиях Б. Поппе и в книге: Franke U. *Kunst als Erkenntnis. Die Rolle der Sinnlichkeit in der Aesthetik des Alexander Gottlieb Baumgarten.* — *Studia Leibnitiana. Supplementa*, Bd. IX. Wiesbaden, 1972, S. 61 ff.

¹⁴ Асмус В. Ф. *Немецкая эстетика XVIII века.* М., 1962, с. 13.

¹⁵ Там же, с. 25.

¹⁶ Там же, с. 42.

¹⁷ Там же, с. 51.

¹⁸ Ученик Baumgartena Г. Ф. Мейер попытался последовать рационалистам XVII в., даже конструируя особую теорию «эстетического» силлогизма.

¹⁹ См.: Baumgarten A. *Aesthetica*..., §§ 440, 477; ср.: Он же. *Meditationes philosophicae...*, § 19.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 122.

²¹ Alexander Gottlieb Baumgarten. *Texte zur Grundlegung der Aesthetik.* Hamburg, 1983; Он же. *Philosophische Betrachtungen über einige Bedingungen des Gedichtes.* Hamburg, 1983; Он же. *Theoretische Aesthetik. Die grundlegenden Abschnitte aus der «Aesthetica» (1750/58).* Hamburg, 1983.

²² Baumgarten A. G. *Philosophische Betrachtungen...*, 1983, § 12.

²³ Там же, § 14, ср. §§ 25 и 50.

²⁴ Там же, § 82.

Б. В. Мееровский

И. КАНТ И АНГЛИЙСКАЯ ЭСТЕТИКА XVIII ВЕКА

Английская эстетика XVIII в. в лице таких ее представителей, как Аддисон, Шефтсбери, Хатчесон, Джерард, Бёрк, Хоум, Юм, Рид и некоторых других, оказала заметное влияние на развитие эстетической мысли в Германии. Воздействие идей английских эстетиков испытали немецкие философы-просветители, в особенности Лессинг и Гердер, а также теоретики немецкой классической эстетики, в том числе и ее родоначальник Иммануил Кант.

Среди идей, которые плодотворно разрабатывались английскими эстетиками и которые получили в дальнейшем отражение и развитие в немецкой эстетике, следует назвать, прежде всего, понятие эстетического вкуса, а также категории прекрасного и возвышенного. Впрочем, нужно сказать еще об одной идее, сформулированной видным английским эстетиком и философом-моралистом Шефтсбери, которая стала близкой духу немецкой эстетики и эстетики Канта в первую очередь. Речь идет о постулированном Шефтсбери принципе единства красоты и добра (блага): «Красота и благо — это одно и то же»¹. В эстетике Канта прекрасное выступает символом нравственно доброго, а идеал красоты состоит «в выражении нравственного» (5, 240). Но Кант не просто следует здесь за Шефтсбери, а развивает его эстетический принцип. В кантовской системе эстетическое занимает, как известно, особое место, являясь посредствующим

звеном между теоретической и практической философией, между теорией познания и этикой. В результате прекрасное есть «средний член между истиной и добром»².

Идеалом красоты может быть, по Канту, только человек. Именно в человеке прекрасное сливается с нравственным, выступает показателем его совершенства. Но с другой стороны, родство эстетического и этического интересов обнаруживает себя и в восприятии красоты природы; «и тот, кто питает интерес к прекрасному в природе, может проявлять его лишь постольку, поскольку он еще до этого прочно основал свой интерес на нравственно добром» (5, 315).

Отмечая влияние идей английских эстетиков XVIII в. на эстетическую теорию Канта, необходимо специально остановиться на отношении Канта к Бёрку, автору «Философского исследования о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757). Дело в том, что рассмотрение этого отношения позволяет проследить эволюцию эстетических воззрений Канта. Это во-первых, а во-вторых, рассмотрение отношения Канта к сочинению Бёрка дает возможность раскрыть специфику кантовской трактовки тех эстетических категорий, которые интересовали его больше всего, а именно категорий прекрасного и возвышенного.

Но вначале несколько слов о Бёрке и его сочинении. Эдмунд Бёрк (1729—1797) известен не только как эстетик, но и как политический деятель консервативного направления, публицист и оратор. В 1790 г. он выступил со своими «Размышлениями о французской революции», в которых не скрывал своего «отвращения и ужаса» перед лицом происходящих во Франции исторических событий. И если бы Бёрк не создал в молодые годы оригинального эстетического учения, то он вошел бы в историю лишь в качестве одного из идеологов правящих классов Великобритании второй половины XVIII столетия. «Философское исследование...» Бёрка заслуживает совершенно иной оценки. В нем эстетические проблемы и категории освещались с позиций материалистического сенсуализма, разрабатывались в духе идей английского Просвещения.

Бёрк углубил и развил концепцию эстетического вкуса, основанную на идеях Локка и активно обсуждавшуюся в английской эстетике. Достаточно назвать «Опыт о вкусе» А. Джерарда, эссе «О норме вкуса» Д. Юма, опубликованные в том же 1757 г., когда увидело свет «Философское исследование...» Бёрка. Согласно Бёрку, эстетический вкус имеет немало общего с ощущениями, которые являются «великими источниками всех наших идей и, следовательно, всех наших удовольствий»³. Отсюда Бёрк заключал, что «вся основа вкуса является общей для всех» (там же), и поэтому норма вкуса, как и норма мышления, «у всех человеческих существ одинакова»⁴. Разнообразие же вкусов Бёрк объяснял различиями в чувственно-эмоцио-

нальной области вкуса, а также в сфере рассудка. «Недостаточное развитие первого из этих качеств ведет к отсутствию вкуса; слабость второго — к неправильному или дурному вкусу»⁵.

Проблема вкуса, хотя и заняла определенное место в трактате Бёрка, но не являлась для него центральной. Главное внимание автор уделил исследованию категорий возвышенного и прекрасного. Предшественники Бёрка — эстетики классицизма рассматривали возвышенное лишь в свете теории жанров, исходившей из деления искусств на «высокие» и «низкие». С этой точки зрения, возвышенное понималось как особенность стиля произведений литературы, живописи и скульптуры, которая служила требованиям «изящного вкуса». В английской эстетике до Бёрка предпринимались попытки разработки категории возвышенного с иных позиций. Показательна в этом отношении работа Д. Бейли «Опыт о возвышенном» (1747), где исследовались некоторые предметные свойства, являющиеся источником переживаний возвышенного.

Бёрк также направляет свои усилия на исследования объективных признаков возвышенного, рассмотрение аффектов, лежащих в основе эстетических переживаний. Источником возвышенного является, по Бёрку, все то, что возбуждает «идеи неудовольствия и опасности», внушает страх. Страх он называет «господствующим принципом возвышенного», а само возвышенное характеризует как «самую сильную эмоцию, которую душа способна испытывать»⁶. Не удивительно, что источниками столь сильного и глубокого переживания служат весьма впечатляющие факторы: сила, мощь, огромные размеры, тьма, а также «отрицательные состояния» (пустота, одиночество, молчание и т. п.). Таким образом, Бёрк трактовал возвышенное как особо эмоциональное состояние или переживание, вызванное определенными свойствами предметов. Что касается возвышенного в искусстве, то оно достигается, согласно Бёрку, преимущественно поэтическими средствами, «при помощи слов», а не средствами живописи или скульптуры.

Эстетическая концепция Бёрка основывалась на противопоставлении возвышенного и прекрасного. «...Идеи возвышенного и прекрасного опираются на столь различные основания, что очень трудно — я чуть не сказал: невозможно — думать о сочетании их в одном и том же предмете...»⁷ Так, возвышенное имеет своим источником огромные размеры, силу и мощь, признаками же красоты служат небольшие размеры, слабость, мягкость, тонкость и т. п. И хотя Бёрк не отрицал возможность соединения в одном предмете признаков возвышенного и прекрасного, весь смысл его рассуждений состоял в доказательстве того, что «эти идеи обладают совершенно различной природой: одна основана на неудовольствии, другая — на удовольствии»⁸.

Сочинение Бёрка пользовалось большим успехом в Англии, многократно переиздавалось на протяжении всего XVIII в., получило признание и за рубежом. Нашло оно отклик и среди немецких мыслителей. Одним из первых с «Философским исследованием...» познакомился Лессинг. Он прочитал книгу Бёрка через год после ее выхода и задумал перевод книги на немецкий язык. Лессинг вынашивал также планы написания комментариев к книге Бёрка. К сожалению, эти замыслы не были им осуществлены. Интересно, что перевод сочинения Бёрка на немецкий язык замышлял также Гердер. С этой целью он собирался использовать французское издание книги, появившееся в 1765 г. Но замысел Гердера, как и Лессинга, не был реализован. Однако Гердер содействовал переводу книги Бёрка, выполненному Гарве в 1773 г.

Теперь можно перейти к рассмотрению отношения Канта к Бёрку. В одной из своих ранних работ — «Наблюдение над чувством прекрасного и возвышенного» (1764) — Кант высказывает взгляды, которые весьма созвучны идеям Бёрка. Объяснение этому мы находим в том, что в течение длительного времени Кант исключал эстетику из сферы философского знания, поскольку считал, что эстетические принципы, включая принцип красоты, носят чисто эмпирический характер. Совершенное, аподиктическое, т. е. истинно философское, знание не может быть, по Канту, эмпирическим. Оно должно иметь априорный характер. И пока Кант не дошел еще до открытия априорных принципов телеологии, лежащих в основе эстетического суждения, он мыслил понятиями эмпирической, сенсуалистической эстетики. «Возвышенное волнует, прекрасное привлекает... Глубокое одиночество возвышенно, но оно чем-то устрашает... Возвышенное всегда должно быть значительным, прекрасное может быть и малым. Возвышенное должно быть простым, прекрасное может быть нарядным и изысканным. Большая высота вызывает чувство возвышенного, как и большая глубина, однако чувство, вызываемое такой глубиной, сопровождается ощущением ужаса; чувство же, вызываемое высотой, — изумлением; и именно поэтому первое ощущение может быть устрашающе возвышенным, а второе — благородным» (2, 129—130).

Понятно, что речь идет не о каком-либо «заимствовании» Кантом идей возвышенного и прекрасного у Бёрка. Есть все основания полагать, что Кант познакомился с сочинением Бёрка только по немецкому переводу 1773 г. Но с другой стороны, нет никаких сомнений в том, что кантовские «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» писались под влиянием английских эстетиков XVIII в., в первую очередь под влиянием теоретиков «морального чувства» Шефтсбери и Хатчесона. (Подтверждением этому служат ссылки и одобрительные высказывания Канта по адресу названных английских мыслителей, содержащиеся в работах 1764—1765 гг.¹ (см.: 2, 275, 286.)

Перелом во взглядах Канта на эстетику произошел в годы создания «Критики способности суждения» (1790). В известном письме к Рейнгольду от 28 декабря 1787 г. Кант сообщает об открытии им априорных принципов, которые соответствуют особым способностям души, а именно чувству удовольствия и неудовольствия⁹.

В дальнейшем Кант окончательно пришел к выводу, что эстетика должна строиться как философская наука на основе априорных принципов телеологии, или целесообразности, связанных с чувством удовольствия и со способностью эстетического суждения. Такое суждение, указывал Кант, не направлено на познание предмета. Оно свободно также от всякого интереса или цели. Не может быть основой эстетического суждения и объективная цель, поскольку оно не касается свойств предмета и причин его существования. Эстетическое суждение, по Канту, как пишет В. Ф. Асмус, не основывается ни на каком данном понятии о предмете и не создает никакого понятия. «Здесь удовольствие мыслится как необходимо соединенное с представлением о предмете, а форма предмета рассматривается в чистой рефлексии о ней, т. е. без расчета на приобретение понятия. Она рассматривается как основание удовольствия в представлении о таком предмете»¹⁰.

Раскрывая специфику эстетического суждения, Кант вводит и анализирует в «Критике способности суждения» понятия прекрасного и вкуса («Аналитика прекрасного»), а также понятие возвышенного («Аналитика возвышенного»). В нашу задачу не входит рассмотрение эстетической системы Канта, изложенной в названном сочинении. Мы хотим обратить внимание на то, что в свете этой системы Кант пересматривает свое отношение к эмпирической эстетике и ее представителям. Об этом свидетельствуют, в частности, высказывания Канта о Бёрке, содержащиеся во «Введении в критику способности суждения» и в «Критике способности суждения». По мнению Канта, психологические наблюдения, которые вел Бёрк в своем сочинении о прекрасном и возвышенном, не могут «притязать на звание философской науки», поскольку они ограничивались лишь собиранием материала «для будущих подлежащих объединению в систему эмпирических правил, не желая, однако, понять эти правила...» (5, 144).

Вместе с тем Кант отдает должное Бёрку как одному из самых выдающихся представителей эмпирической эстетики и высоко оценивает проделанный им анализ переживаний возвышенного и прекрасного. «Как психологическое наблюдение этот анализ явлений нашей души необыкновенно хорош и дает богатый материал для самых излюбленных изысканий эмпирической антропологии» (5, 288). И все же Канта не могло, разумеется, удовлетворить «чисто эмпирическое разъяснение возвышенного и прекрасного» (там же). Он вновь подчеркивает, что

эмпирическое разъяснение эстетических суждений кладет лишь начало, «чтобы собрать материал для более высоких изысканий» (5, 290). В основе же эстетического суждения, а значит и суждения вкуса, должен лежать априорный принцип, «до которого никогда нельзя дойти, выведывая эмпирические законы изменений в душе, так как эти законы дают познание только о том, как судят, но не предписывают нам, как надо судить, и притом так, чтобы предписание было безусловным, как это и предполагают суждения вкуса...» (5, 289—290).

При всей новизне эстетической системы Канта и ее принципиальном отличии от эмпирической эстетики нельзя не видеть того, что кантовская эстетика восприняла некоторые идеи, выдвинутые его предшественниками, в том числе и английскими эстетиками XVIII в. Характерной чертой эстетических концепций, которые разрабатывались последними, была их антирационалистическая, сенсуалистическая направленность, выразившаяся в том, что предпочтение отдавалось чувственно-эмоциональной сфере эстетического сознания. Но в эстетике Канта способность суждения связывается также с чувством, а именно чувством удовольствия или неудовольствия. С этой точки зрения, «прекрасное есть то, что без понятий представляется как объект всеобщего удовольствия» (5, 212). Возвышенное относится Кантом также к области чувств, хотя его специфика проявляется в том, что «истинную возвышенность надо искать только в душе того, кто высказывает суждение, а не в объекте природы, суждение о котором дает повод для такого расположения у него» (5, 263).

Можно найти и другие точки соприкосновения эстетической системы Канта с эмпирической, сенсуалистической эстетикой. Однако основной смысл кантовской эстетики был принципиально иным. Априоризм и субъективизм, которые были внесены Кантом в эстетику, стали важнейшими признаками эстетического идеализма, противостоявшего тем эстетическим концепциям, которые развивались в русле материалистической традиции.

Эстетика Канта, как и его философская система в целом, носит противоречивый характер и не поддается однозначной оценке. Но не подлежит сомнению гуманистический настрой кантовской эстетики, выступающий особенно отчетливо в его учении о возвышенном. Согласно Канту, человек обнаруживает в своей душе перед лицом могущественных сил природы не страх или робость, несмотря на свое физическое бессилие, а способность судить о себе как независимом от природы существе и даже ощущать свое превосходство над природой. «Следовательно, природа называется здесь возвышенной только потому, что она возвышает воображение до изображения тех случаев, в которых душа может ощущать возвышенность своего назначения по сравнению с природой» (5, 270). Вместе с тем

в учении о возвышенном эстетическое смыкается с этическим, поскольку чувство возвышенного органически связано, по Канту, с нравственным самосознанием человека. В области возвышенного в еще большей степени, чем в сфере прекрасного, требуется от человека определенная культура и достаточно высокий уровень развития «нравственных идей» (5, 273). Кант, таким образом, провозглашает, что человек, лишь будучи нравственным существом, способен на богатые и глубокие эстетические переживания.

¹ Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1974, с. 209.

² Философия Канта и современность. М., 1974, с. 279.

³ Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979, с. 46.

⁴ Там же, с. 46.

⁵ Там же, с. 59.

⁶ Там же, с. 72.

⁷ Там же, с. 140.

⁸ Там же, с. 151.

⁹ Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973, с. 408.

¹⁰ Там же, с. 419.

Ю. Я. Баскин

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ПРАВА В ФИЛОСОФСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ГЕРМАНИИ XVII—XVIII ВЕКОВ И ИММАУИЛ КАНТ

Вплоть до середины XVI в. в Германии господствовали нормы римского и канонического права. Их теоретическое обоснование опиралось на юридические конструкции богословия и схоластики. Но к концу столетия события, вызванные Реформацией, серьезно поколебали эту основу, а Тридцатилетняя война довершила кризис политико-юридических институтов средневековья. «Священная империя» фактически распалась. Строить юридические конструкции на основе прежних представлений стало далее невозможным. Требовался новый подход. Его исходные положения начали формироваться в трудах И. Ольдендорпа и других философов протестантского лагеря, а затем получили свое обоснование у И. Альтузия и Г. Конринга. Последние оказались у истоков двух окончательно сложившихся в XVII в. направлений — естественно-правового и позитивного. Именно они определили развитие философии права в Германии к середине XVIII в., когда развернулась деятельность Иммануила Канта. Рассмотрим вкратце основные моменты в становлении этих течений.

1. Одним из первых решительный шаг в отделении учения о праве от его схоластической оболочки сделал С. Пуфендорф. Оставаясь еще в значительной мере религиозным мыслителем, Пуфендорф считал, что, хотя непосредственную основу общест-